

КУЛЬТУРНЫЙ ИМПЕРАТИВ - ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В XXI ВЕКЕ

Эта конференция проводится в то время, когда специалисты по межкультурному взаимодействию активно участвуют в дебатах о будущем направлении развития человечества в XXI веке. В эпоху развития глобализации встают вопросы о важности и влиянии культурных различий, которые по всей вероятности помешают быстрому продвижению в направлении стандартизации правил и поведения, а также принятия всеми общих целей.

Уменьшаются ли культурные различия в то время, когда интернационализация торговли все увеличивается, а Интернет распространяется повсеместно? Или основы культуры настолько различны и разнообразны, что глобальной конвергенции идеалов никогда не произойдет? Станет ли усиливаться растущий национализм, примеры которого просматриваются в настоящее время? Будут ли гендерные факторы, важность которых растет, перевешивать национальные особенности? Будут ли сдвиги и объединения стран происходить вдоль цивилизационных линий разлома, как предсказывал Самюэль Хантингтон, или национальные черты и дальше будут доминировать? История действительно закончилась в 1989 году, как предполагал Фрэнсис Фукуяма? И находятся ли под угрозой исчезновения общие межкультурные черты, запрограммированные в нас эволюцией, из-за генной инженерии?

Когда позитивизм взял верх в общественных науках в американских университетах в 1950-е годы, культурное разнообразие описывалось как нечто «легко поддающееся влиянию», основанное на неточных знаниях, а позитивизм сам по себе – как связанный с культурой. В закрытом мире академического сообщества стало модным искать объяснение человеческого поведения на

основании двух «надежных» теорий: генетического детерминизма и экономического детерминизма. 12 февраля 2001 года (по совпадению, в день рождения Дарвина) генетическому детерминизму был нанесен смертельный удар. Две группы исследователей опубликовали официальный отчет с данными о человеческом геноме, показав, что 99,9% генов всех людей, несмотря на всё их очевидное разнообразие, совпадают. Если судить по этому открытию, то все люди должны быть невероятно похожи, если генетический код определяет поведение. Но, конечно, мы не похожи.

Изучение экономического детерминизма также показало его неуместность. И это ведет нас к третьей возможности: **культурный детерминизм**. Лоуренс Харрисон и Самюэль Хантингтон в своей книге «Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют прогрессу человечества» (2001) повторяют заявления, сделанные Эдвардом Холлом, Гертом Хофстеде и мною в моей более ранней работе «Столкновение культур» (1996), а именно: **культура имеет наибольшее значение для экономического развития** (а не наоборот). Разве можно не указывать на развитие культуры, начавшееся в Древней Греции и Риме и происходившее затем под влиянием христианской религии и европейской эпохи Возрождения? Можно ли легко остановить эту движущую силу, работающую 2000 лет? Непрерывно развивающиеся культуры в большой степени определили современное человечество в Китае, Индии, Франции, Испании, Японии и других местах. Культура передается из целого ряда источников – родители, сверстники, социальные институты – но *правительства* обоснованно заинтересованы в том, чтобы у их граждан были общие культурные ценности для того, чтобы снизить возможность конфликтов на почве культуры или религии. Образовательные системы передают и усиливают национальную культуру; истории обучают «продуманно», часто она «модифицируется» ради консолидации общих ценностей, даже мифов. Такие фигуры как Наполеон, Петр Великий, Джордж Вашингтон, Авраам Линкольн и

королева Елизавета I часто изображаются в благоприятном свете, как часть культурного наследия.

Культура нации – это ее программа или сценарий выживания и, надо надеяться, успеха. Стоит отметить, что в настоящее время тенденции поднимающегося национализма наиболее очевидны в странах или у народов, которые традиционно стремились выжить – Польша, Венгрия, Чешская Республика, Корея, Австрия, Каталония и курды. Положение Польши и Кореи уязвимо, поскольку они зажаты между сильными соседями; венгры, чехи и австрийцы оплакивают потерю территории; на Каталонию давит Мадрид, на курдов – Турция. Национализм или популизм также показывает зубы в англоговорящем мире. БРЕКСИТ, который не имел смысла политически, а еще меньше экономически, был чисто культурным решением, отражая островное положение Великобритании, беспокойство и тревогу британцев, когда приходится иметь дело с «иностранцами». Культура американского рабочего класса с растущим чувством неуверенности, утратой влияния и свободы выбора, позволила Трампу пропагандировать национализм («Америка прежде всего»).

Становится понятным, что если либерализм был явным наследием Просвещения, то им был и национализм, успешно и более надежно внедренный в мировую политику, чем идеологические системы, такие как коммунизм, капитализм, даже либерализм. Создание Европейского Союза было самой энергичной попыткой минимизации национализма. Хотя Европейский Союз избежал войн между своими членами, сейчас он подвергается резкой критике в Нидерландах, Австрии, Польше, Венгрии и других странах Восточной Европы, и это если не упоминать проблемы Италии в еврозоне и, конечно, удар по нему, который нанес Брексит. Союз, который, как кажется, направлен на экономическую и политическую сплоченность и целостность, к середине столетия может уже бороться за выживание, если народные партии

продолжат усиливать свои позиции (даже в странах-основателях, таких как Франция и Германия!)

Движущие силы XXI века

Какие силы, культурные, цивилизационные или какие-то другие, с наибольшей вероятностью будут формировать контуры человеческой деятельности в XXI веке? Кажется, что история указывает нам на то, что пики развития цивилизации наблюдались последовательно и системно, в направлении с Востока на Запад. Наблюдался последовательный расцвет культур в Древнем Китае и Индии, оттуда он переместился на Средний Восток (Месопотамия, Египет), в Грецию, Рим, страны европейского Возрождения, Великобританию (в период империи), а потом переместился в Америку XX века. В свете этого движения может показаться, что сейчас снова пришел черед Китая! В виду последних достижений экономического развития Китая, это предположение больше не кажется наивным.

Несмотря на достоинства глобализации, имеются доказательства, заставляющие предположить, что движущие силы, направляющие судьбу человечества, будут ограничены количественно (четыре, пять или шесть) и будут связаны с РАЗМЕРОМ (население, площадь территории, полезные ископаемые или вооруженные силы). На сцену в XXI веке выйдет группа БОЛЬШИХ АКТЕРОВ, которые будут играть ведущие или доминирующие роли. Более мелкие страны, независимые или изолированные уменьшат свое влияние или окажутся вместе с крупнейшими игроками (образуя возможный блок).

Двигателями силы и прогресса в нынешнем столетии должны быть Китай, Индия, Россия и Запад (Европа плюс Северная Америка). Китай и Индия

поднимаются благодаря натиску своего огромного населения и древней культуре. Россия, если удержит свои поражающие разум территории, обладает евразийской широтой видения и военной мощью для того, чтобы стать лидером; хотя Запад, как кажется, находится в упадке, его нельзя недооценивать. Это происходит из-за его веры в превосходство моноактивности.

Три типа культур

Модель Льюиса (параметры поведения) – это предложение разделить мировые культуры на три типа, а именно: моноактивные, полиактивные и реактивные.

Моноактивные люди (например, немцы) ориентированы на выполнение задач, это высокоорганизованные люди, которые все планируют, они выполняют задачи, делая по одному делу за раз, в соответствии с четким планом и по расписанию.

Полиактивные люди (например, представители романских стран) эмоциональны, словоохотливы и импульсивны, они придают большую важность семье, чувствам, взаимоотношениям. Они любят делать много дел одновременно и плохо работают по плану.

Реактивные люди (например, азиаты) умеют хорошо слушать, они редко иницируют действия или обсуждения, предпочитая вначале выслушать и выяснить позицию оппонента, а затем реагируют на нее.

Чувство превосходства моноактивных людей

Моноактивное поведение – это англо-германский феномен, который возник на северо-западе Европы и благодаря колонизации также развернулся в Северной

Америке, ЮАР, Австралии и Новой Зеландии. Из не-германских народов к этому типу присоединились только финны, но даже они частично реактивны. Два континента – Северная Америка (минус Мексика) и Австралия – полностью моноактивны. Поразительно различные судьбы Северной и Южной Америки (последняя была колонизована полиактивными испанцами и португальцами) являются свидетельством огромной разницы в поведении двух типов. История могла бы сложиться совсем по-другому, если бы Колумб дальше пошел северо-западным курсом к Флориде, или отцы-пилигримы сбились с курса (как Кабрал) и поселились на северо-востоке Бразилии!

Важно отметить, что благодаря неожиданным поворотам судьбы или историческим случайностям, начиная с XVIII века и далее англо-германский блок начал считать себя **превосходящим** другие типы культуры по эффективности и в торговле, и в способности править. Эта убежденность в своем превосходстве, сопровождающаяся напористостью, возможно, уходит корнями в холодный климат и умение с ним справляться, энергичность, протестантское реформистское рвение или немецкую тщательность и скрупулезность. Определенно, эта уверенность процветала после английской промышленной революции, быстрого развития британских и американских мануфактур (чему способствовали богатые запасы угля) и благодаря постоянному наличию в англосаксонских и скандинавских обществах демократических институтов. Эта вера поддерживалась тем фактом, что моноактивные «державы», хотя в них насчитывалось всего 700 миллионов человек, лидировали до и после двух мировых войн, а потом оказались *de facto* (на деле, фактически – лат.) мировыми лидерами, и это лидерство основывалось на военной мощи, а что еще важнее, - на более чем 50% мирового ВВП.

Это ощущение превосходства, в особенности в англоговорящем мире, но также в не меньшей степени присущее немцам, голландцам, швейцарцам и

скандинавам, **пока не уменьшилось**. Западное самодовольство пока не уничтожено. В моноактивных странах все еще жива идея о том, что их системы управления, их понимание справедливости, их отношение к правам человека, их интеллектуально развитые общества, смесь работы и отдыха, их право вести за собой других и давать другим советы, их методы ведения бизнеса и способность поддерживать определенный уровень производства и высокий уровень жизни являются пригодными и целесообразными для будущего.

* * * *

Однако существуют и другие точки зрения. Примерно в 2011 – 2012 годах статистика показала, что объем ВВП не-моноактивных народов мира (полиактивных и реактивных вместе взятых) перегнал объем ВВП моноактивных. Все же в не-моноактивных странах проживает свыше 6 миллиардов человек, а быстрое развитие китайской экономики предполагает, что доля вклада Запада в мировое производство будет все время сокращаться. Прогнозы указывают на то, что китайская экономика перегонит экономику Соединенных Штатов, а голодная Индия станет крупнейшим мировым рынком (по прогнозам, ее население к 2030 году составит 1,5 миллиарда человек). Другие быстро растущие и развивающиеся народы создадут рынки с большим спросом в Индонезии, Нигерии, Пакистане, Бразилии, Бангладеш, Мексике и Эфиопии, в указанном порядке.

Куда идет Запад?

Прочитанные выше демографические данные выглядят несколько мрачно, если смотреть с западной точки зрения, и Роберт Самуэльсон в статье «Большая иллюзия» ставит под вопрос доминирование Запада в XXI веке. Он ссылается на опасности распространения ядерного оружия, направленный против Запада терроризм, спады экономического роста, колебания финансовых рынков и технологический саботаж.

Но списывать Запад со счета может быть и ошибочным. Мы должны помнить, что произошло во время двух мировых войн, когда западная цивилизация оказалась под угрозой. Вероятно, что в следующий раз Германия будет в одной лодке с остальными. Живучесть и стойкость сбалансированного Запада основываются не только на его военной и экономической мощи, которая все еще остается очень внушительной, но и на зрелости и стойкости западных ценностей. Эти ценности ковались во время суровых испытаний греческих городов-государств и веками закалялись в эпохи Реформации и Возрождения, принимая демократию, побеждая дьяволов нацизма и коммунизма. Преимуществом Запада, в дополнение к этим базовым ценностям, является изобилие социальных и полу-политических институтов. Их насчитываются тысячи – между основными принципами семьи и авторитетом государства. Во многих обществах имеется социальный вакуум между домом и работой. В англосаксонских, в особенности, скандинавских странах, но также и в других странах Европы люди заняты в клубах, обществах, ассоциациях, мероприятиях разного рода, они занимаются спортом, обучаются на курсах, у них имеются хобби всех видов. Это плотная ткань западного общества – активного, пульсирующего, изобретательного, во всех смыслах упорно держащегося и неукротимого, с собственной движущей силой. Если такая социальная полнота жизни является западной по сути, она в полной мере воплощается в США. Как писал Хамиш Макрей, наблюдая за американцами, восстающими из пепла, подобно фениксу, и из руин, начиная все с нуля, *будущее начинается здесь*.

Азиатизация

Сокрушительная победа союзников в 1945 году привела к тому, что основные европейские (и другие) страны приняли большую дозу американизации, повторяя американские методы ведения бизнеса в производстве, бухгалтерском учете, маркетинге и продажах. Это не убило их культуры, а материальные

преимущества перевесили опасения и недостатки. Однако в дальнейшем негативные последствия американизации стали ощущаться в постепенном разрушении или размывании (европейских) ценностей по мере того, как впечатлительная молодежь принимала многие аспекты американского стиля жизни.

Американские методы ведения бизнеса и управления начали сдавать позиции в 1970-е и 1980-е годы, когда «азиатские тигры» приняли успешную японскую модель. Необходимо отметить, что в 1990-е годы Запад часто демонстрировал, что плохо подготовлен для того, чтобы иметь дело с азиатским восприятием.

Западным людям в новом столетии необходим новый *modus operandi* (образ действия – лат.), если они хотят преуспеть в глобализации своего бизнеса и экспорта. Моноактивные (западные) общества только выиграют, если будут развивать в себе умение поставить себя в положение реактивных и полиактивных людей. В настоящее время технологии делают возможным хорошую осведомленность Востока и Запада друг о друге; в конце концов появится какой-то синтез прогресса и сосуществования, при котором ведется совместная работа. Размеры азиатского населения и рынков говорят о том, что в конце концов они будут доминировать. Точно также, как в 1945 от американизации можно было получить очевидную пользу, теперь, в XXI веке, можно получить преимущества от политики *азиатизации*. И европейцам, и американцам стоит об этом подумать. Принятие *азиатизации* в определенной степени ускорит лучшее понимание азиатской ментальности и, возможно, предупредит будущую гегемонию Китая в сфере торговли и политики.

Западу следует изучать азиатские ценности, а также способы коммуникации и организации, и учиться на них. В азиатских системах имеются видимые преимущества. Также следует изучать «азиатский разум» и то, как он воспринимает такие концепции, как лидерство, статус, принятие решений,

переговоры, репутацию, взгляды на мораль и нравственность, конфуцианские принципы и т.д.

К счастью, продвижение и рост значимости *женских* ценностей на Западе в период смены столетий в некоторой степени сглаживает путь для *азиатизации*, поскольку многие из этих ценностей совпадают с азиатскими ценностями. Точно также, как американизация (Европы) продвигалась от влияния на практики ведения бизнеса к пропитыванию социальной сферы, то же самое может вполне произойти и с *азиатизацией*. То есть на жителей Запада может повлиять азиатский стиль жизни и они могут принять его аспекты, а это будет иметь долгосрочные последствия для их собственного поведения.

* * * *

Значение такой перемены в западном мышлении и поведении пугает, если она вообще не будет разрушительной и катастрофической. Такие страны, как Франция, США, Швеция и, возможно, Великобритания и Германия успешны сами по себе и могут быть менее склонны к модификации своих культур в азиатском направлении, чем менее сильные страны. В настоящее время американцы находят лишь малое количество недостатков в своей экономической модели, как и французы в своей культурной. Тем не менее, феминизация в некоторой степени уже наблюдается в большинстве западных стран, а растущее недовольство молодого поколения безжалостной эксплуатацией людей и нерациональным использованием природных ресурсов сделает *азиатизацию* привлекательной политикой. В конце концов, бизнес есть бизнес, а там живут миллиарды покупателей.

* * * *

Ни одно описание и ни одна оценка контуров политического, экономического или мирового культурного развития в XXI веке не будут полными без упоминания двух стран вместе с главными игроками, которыми являются Китай, Индия, Россия и Запад. Я говорю про Японию и Канаду. Влияние Японии на события в мире недооценивалось в прошлом, и застой в ее экономике на протяжении последних 20 лет бросает тень на то, какой она является в настоящее время. Однако в 2018 году Япония легко занимает третье место в мире по объему ВВП. Вероятно, ее роль в мире в будущем будет связана с ее манерой формирования блоков и союзов. Удастся ли ей уравнять чаши весов, приняв сторону Востока или Запада?

Канада – это еще более темная лошадка. Она занимает площадь размером 10 миллионов квадратных километров, по размеру территории она на втором месте после России. Хотя большая ее часть состоит из пустынных пространств с мерзлой землей, быстрое потепление Северного Ледовитого океана во второй половине столетия изменит сельское хозяйство Канады, а также использование природных ресурсов и не в меньшей степени использование богатых запасов нефти в арктических месторождениях, которые Канада будет делить с Россией и Норвегией. Канада уже занимает десятое место в мире по объему ВВП, а с быстро растущим населением, чему помогает мудрая иммиграционная политика, уже готова стать более активной в международных делах. Уникальным преимуществом является и легкий доступ к огромному рынку США.

Наконец, религия

Четыре крупнейшие религиозные группы в мире, по убыванию количества последователей (2015) – это исповедующие христианство (2,38 миллиарда), ислам (1,8 миллиарда), индуизм (1,1 миллиарда) и буддизм (0,5 миллиарда). На

протяжении истории конфликты и конфронтации между религиями приводили к многочисленным войнам, и это происходило на протяжении многих веков, начиная с крестоносцев, мусульманской «оккупации» Испании с VIII века до 1492 года и доминирования Османской империи, которая правила над большими частями Европы и Среднего Востока на протяжении 650 лет.

Религиозные споры то усиливались, то ослабевали в различные эпохи, и хотя индуисты и буддисты фигурировали в долгой борьбе с исламом на протяжении столетий, современная эпоха характеризуется яростной и усилившейся конфронтацией между **христианством и исламом**, кульминацией которой стала трагедия 11 сентября, последовавшее за ней вторжение американцев в Афганистан и Ирак и подъем ИГИЛ (ДАИШ), что повлияло на жизни миллионов людей в Сирии и других местах. Сегодняшний антагонизм двух крупнейших религий резко контрастирует с идиллическим сосуществованием ислама, христианства и иудаизма в период, когда общество в Аль-Андалусе (Мусульманская Испания) наслаждалось «золотым веком» религиозной терпимости. Можем ли мы снова надеяться на примирение мусульман и христиан?

Ежи Вятр указывает в своей работе «Новый мировой порядок в XXI веке», что идеологические конфликты труднее разрешить, чем противоречия национальных интересов. В то время как умелая демократия может привести к приемлемому компромиссу по вопросу границ или торговой войны, для фанатиков невероятно сложно или даже невозможно отказаться от всей философии или дорогого сердцу вероисповедания.

Если можно, я позволю себе немного оптимизма в конце рассуждений о религиозных или идеологических столкновениях. Я возьму на себя смелость сослаться на фактор, который считаю важным, но, как кажется, не замечаемый или пропускаемый политическими комментаторами и футурологами.

Мусульман, которых широко обсуждают, в нашем мире насчитывается свыше двух миллиардов, и примерно *миллиард из них – женщины*. Есть серьезные указания на то, чтобы предполагать начало периода быстро растущего влияния и усиления женщин в двадцать первом веке, и из этого движения женщины-мусульманки не могут быть вечно исключены.

Я придерживаюсь мнения, что вопросы равноправия полов будут стоять на повестке дня этих женщин выше, чем продолжающаяся поддержка разрушения Запада, образ жизни которого воплощает характеристики общества и преимущества, к которым они в конечном счете должны стремиться.

Литература

1. *Самюэль Ф. Хантингтон. Столкновение цивилизаций. 1966 (Samuel P Huntington The Clash of Civilizations 1966)*
2. *Роберт Самуэльсон. Большая иллюзия (Robert Samuelson The Grand Illusion)*
3. *Ежи Вятр. Новый мировой порядок в XXI веке (Jerzy Wiatr Toward a New World Order of the 21st Century)*
4. *Ричард Д. Льюис. Столкновение культур. 1966; Культурный императив. 2003; Рыбы не видит воду. 2013 (Richard D. Lewis When Cultures Collide 1966; The Cultural Imperative 2003; Fish Can't See Water 2013)*
5. *Эдвард Холл. За пределами культуры. 1976; Скрытое измерение. 1966; Молчаливый язык. 1959 (Edmund Hall Beyond Culture 1976; The Hidden Dimension 1966; The Silent Language 1959)*
6. *Герт Хофстеде. Последствия культуры. 1980 (Geert Hofstede Culture's Consequences 1980)*
7. *Фрэнсис Фукуяма. Конец истории и последний человек. 1992 (Francis Fukuyama The End of History and the Last Man 1992)*

8. *Александр Яковенко*. Прагматизм и мессианство в мировой политике
(*Alexander Yakovenko Pragmatism and Messiahship in World Politics*)